

вается на личностях Бориса и Глеба и на связанных с ними житийных текстах. Интерес представляют, несомненно, предположения автора об известной параллели между борьбой светской и церковной власти на Руси, (выраженной как в «Слове» Илариона, так и в Сказании о Борисе и Глебе) и в Западной Европе в XI в. Читая страницы, посвященные памятникам житийной литературы, связанным с Борисом и Глебом, специалист найдет очень много интересных и оригинальных суждений. Третий литературный памятник, на котором останавливается автор, — «Хождение игумена Даниила в святую землю» (само хождение имело место в 1106—1107 гг.). Им начинается русская «паломническая литература». Проанализировав содержание памятника и дав из него отрывки, автор заключает: «В немногих других древнерусских текстах находим слитые с такой естественной простотой и переданные языком, богатым народными элементами, реалистическое чувство и любовь к фантастическому» (стр. 74). Здесь рассматривается также Поучение Владимира Мономаха (1113—1125), которое, по словам Пиккио, представляет интерес, как «обобщение религиозных и политических воззрений, равно как и стилистических приемов, выработанных в первом веке» (стр. 75) после крещения русских. Это произведение рисует образ «идеального государя», другими словами, — добавлю — входит в круг богатой литературы средневековых княжеских «зерцал» (Fürstenspiegel). Эта сторона содержания Поучения Мономаха заслуживает не меньшего внимания, нежели его автобиографические элементы. Пиккио упоминает как родственные памятники «Поучение Ксенофонта к Марии» в Изборнике Святослава 1076 г., Поучение англосакса Леофрика к сыновьям короля Гарольда и в общих словах указывает на «другие византийские образцы». Интересный древнерусский памятник заслуживает того, чтобы сопоставление его с другими аналогичными произведениями было сделано шире, — благодаря такому сопоставлению он мог бы быть включен в широко распространенный литературный жанр средневековья, и тем самым его отличительные черты были бы обрисованы еще лучше. Отрывок в Изборнике Святослава 1076 г., носящий название «Ксенофонта еже гл(а)гола к с(ы)нома своим»,¹¹ по моему мнению, меньше всего может быть указан как удовлетворительная параллель к Поучению Мономаха. Это лишь отрывок из жития Ксенофонта и притом не из изданной уже версии, а из какой-то предметафрастовской неизданной версии.¹² При его изучении должны быть привлечены и разбросанные по разным славянским рукописям отрывки из этого жития.¹³ Оставляя в стороне также и параллель с сочинением Леофрика, необходимо было бы обратить внимание специально на византийскую литературу, очень богатую произведениями подобного рода.¹⁴ В последние годы были

¹¹ См. его текст: В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887, стр. 44—45.

¹² J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 114. Paris, столб. 1014—1043. О других версиях: F. Halkin. Bibliotheca hagiographica graeca, II, ed. troisième. Bruxelles, 1957, стр. 316—318 нг. 1877 и — 1879, с указанием рукописных текстов.

¹³ См., например: V. Mošin. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije, I. Opis rukopisa. Zagreb, 1955, стр. 69, 172; Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната библиотека в София, I. София, 1910, стр. 307, № 6; стр. 454.

¹⁴ Библиографию вопроса см.: K. Grumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. Leipzig, 1897, стр. 456—457, 457—458, 463—464, 491—492, 549; K. Emminger. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln, I—II. München, 1906—1913. К этому роду литературы относится и известное послание царьградского патриарха Фотия к болгарскому князю Борису-Михаилу конца 865 или начала 866 г. См.: митр Симеон — В. Н. Златарски. Послание на цариградския патриарх Фотия до болгарския княз Бориса. София, 1917; здесь опубликован и средневековый болгарский перевод, вероятно, XIII—XIV вв. Части «назидания» императора Василия I Македонца (867—